

Э.В. Галажинский

Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности

*Материалы конференции
"Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии"
(20 апреля 2001 года).
Караганда: Изд-во Каргу, 2001. С. 38-48.*

Известно, что детерминизм и научное объяснение явлений внутренне взаимосвязаны. "Объяснить явление - значит вскрыть ту систему детерминации, следствием которой оно является" (В.Г. Иванов). Тридцать лет назад подобное требование было бы принято как вполне самодостаточное. Современное научное мышление полагает, что полнота объяснения будет достигнута в том случае, если само явление будет понято как система и, одновременно, как элемент вышестоящей системы. Это означает, что задача "вскрыть систему детерминаторов", обуславливающих явление, вовсе не эквивалентна задаче "вскрыть системный характер явления и объяснить его как эффект системной детерминации".

Самореализация личности - явление общесистемного порядка и для ее объяснения совершенно недостаточно вскрыть соответствующую систему равноуровневых детерминаторов, показывая среди прочих и уровень ригидности в качестве одного из них. Как явление общесистемного порядка, т.е. входящее в число условий, обеспечивающих саму возможность существования системы, самореализация является эффектом системной детерминации. Следовательно, для того чтобы говорить о ригидности как одном из оснований непричинной детерминации самореализации личности, необходимо, прежде всего, выявить признаки ригидности как системного образования - релевантного всей психологической системе. Ведь самореализация, проявляется в разных аспектах и может изучаться и как качество самоактуализирующейся личности, и как особая потребность, и как деятельность (по самореализации), и как процесс, но за всем этим стоит исходное свойство человека быть открытой самоорганизующейся психологической системой.

Предполагается, что сущность ригидности как общесистемного свойства заключается в том, что она являет собой интегральный, наиболее общий показатель степени открытости психологической системы. Иными словами, чем выше ригидность, тем сильнее блокируются каналы выхода во внешнюю среду, тем сильнее игнорируются возможности самореализации, которые открываются во взаимодействии человека со средой, тем вероятнее появление поведенческих и других стереотипов в неадекватных для них условиях (ФФП - "фиксированных форм поведения" - по Г.В.Залевскому (1988), (1993).

В свете вышесказанного становится понятно, почему проблема ригидности особенно выпукло выступает при смене образа жизни, в частности, при сломе сложившихся жизненных стереотипов.

В своей концепции жизнедеятельности человека как задачи, которую всю жизнь решает личность, К.А. Абульханова-Славская (1977) выделяет тех индивидов, которые изо дня в день "эмпирически" воспроизводят и повторяют необходимые для поддержания жизни действия и несложные обязанности, и других, которые сами организуют свою жизнь, направляют течение событий и оказывают воздействие на них. Ясно, что смена образа жизни для одних будет означать потерю жизненных стереотипов, воспроизведение которых превратилось в смысл бытия, а для других может стать условием, расширяющим жизненное пространство, которое в этом случае выступает как ими же организованное пространство для самореализации и саморазвития. В первом случае заявит о себе проблема ригидности, во втором столь же выпукло проявится проблема гибкости, но обе эти проблемы представляют собой только крайние случаи одной проблемы. Существует общесистемное качество, характеризующее одновременно как степень открытости системы в мир - навстречу изменениям, обеспечивающим прирост возможностей - детерминант последующего самодвижения, так и степень устойчивости системы, вынужденной сохранять свою качественную специфику в потоке изменений, которые обеспечивает сам факт открытости системы. Можно полагать, что континуум "ригидность-гибкость" (убывание одного означает прирост другого) и является показателем этого качества. В конечном счете, открытость системы является гарантом ее устойчивости. Гиперустойчивость, проявляющаяся в фиксированных формах поведения, столь же опасна, как и гипероткрытость, неминуемо приводящая к патологии другого типа - различным формам "полевого поведения", блужданию в пространстве возможностей, ни одна из которых так и не будет реализована в полной мере.

Хотим отметить, что воспроизводство жизни, предполагающее диалектику изменения и сохранения, должно опираться на конкретные психологические механизмы, способные эту диалектику обеспечить. Трудно представить, чтобы за изменение отвечали одни психологические конструкты, а за устойчивость - другие. Тенденция к изменению может преобладать над тенденцией к сохранению (и наоборот), но на уровне конкретного человека обе тенденции представлены одной, характеризующей его как целостную систему со своей мерой открытости и устойчивости. Поэтому мы склоняемся к представлению о ригидности как общесистемном свойстве, детерминирующем личностную самореализацию как процесс, в котором осуществляется перевод открывающихся возможностей действовать в действительность.

Именно общесистемный характер ригидности-гибкости отражает тот факт, что в разных научных школах, использующих разные методологические принципы и подходы, изучающих различные психологические реалии и даже уровни функционирования и проявления психического, неизбежно выделяются понятия, призванные зафиксировать факт наличия механизмов, обеспечивающих тенденцию к сохранению и изменению. Г.В.Залевский указывает на то, что как синонимы ригидности и/или гибкости употребляются такие термины: инертность, тугоподвижность, неповоротливость, стереотипия, персеверация, торпидность, вязкость, косность, фиксированность, фиксация, персистенция, догматизм, консерватизм, этноцентризм, упрямство, подвижность, динамичность, лабильность, пластичность, эластичность, гибкость, вариативность, переключаемость, беглость, адаптивность, механизированность, функциональная фиксированность, тормозимость, фиксированная установка, set, Einstellung и др.. В этом "категориальном болоте" можно утонуть, но можно и выплыть - если увидеть за всем этим общее свойство открытых самоорганизующихся психологических систем, имеющее свое конкретное выражение на разных уровнях ее организации, которые выделяют исследователи в качестве предмета психологического исследования.

Поэтому, в частности, мы согласны с К.А.Абульхановой-Славской в том, что возможен такой "способ жизни", когда наблюдается "вплетенность" личности в "контекст" жизненных событий, ситуаций, дел, при которой индивид не самоопределяется по отношению к ним, хотя и живет вполне определенным, характерным именно для него образом. Возможен и второй способ, когда индивид сам воспроизводит и в известных пределах "предопределяет" логику своей жизни. По этому поводу можно сказать, что самореализация предполагает самоопределение, опирающееся на личностную рефлекссию. Но, с чем мы не вполне согласны, так это с представлением о том, что существует различные "способы соединения индивида с обстоятельствами его жизни". Получается, что есть индивид, есть объективно существующие обстоятельства его жизни, и есть способ, которым они связаны. Только в научной абстракции можно оторвать индивида от обстоятельств, в которых проходит его жизнь, но и в этом случае все равно придется искать "концептуальный мост" (например, принцип "субъекта деятельности"), способный соединить разорванное единство. Человек, опираясь на собственные рефлексивные возможности, способен оценить обстоятельства жизни и собственную жизнедеятельность, свой образ жизни и стать в позицию субъекта активной коррекции того и другого, но именно это потребует от него колоссальных усилий и энергии, активности, - потому, что в естественном состоянии все это является различными проявлениями единого - самоорганизующейся открытой психологической системы. Более того, ригидность, с нашей точки зрения, и является тем общесистемным свойством, которое может не только блокировать выход человека за пределы устоявшихся поведенческих схем, но и за пределы жизненных обстоятельств, деятельность в которых предполагает трансформацию фиксированных форм поведения. Она, тем самым, может блокировать и сам вывод в сознание определенных жизненных обстоятельств, которые связаны с неудачами реализации в них стереотипов, сложившихся в других обстоятельствах, а кроме того, блокировать в сознании и те обстоятельства, которые связаны с открывающимися возможностями выхода за пределы требований ситуации - туда, где наиболее явно заявляет о себе самореализация.

Представление о едином и общесистемном характере механизма, обеспечивающего сохранение и изменение, устойчивость и подвижность, степень открытости-закрытости системы не противоречит идее о существовании различных способов воспроизводства жизни, дифференциация которых может привести к типологии личностей по указанному критерию "открытости-закрытости". Более того, только имея в виду общесистемный характер этого механизма можно говорить об индивидуальных его проявлениях на уровне типов личности. Иначе мы вообще не приходим ни к какой типологии.

Таким образом, связь индивида с его собственным существованием - это проблема жизненного самоопределения, трансформирующаяся в проблему активного формирования человеком того, что определяют понятием "жизненная среда", в которой личность слита с объективными обстоятельствами ее бытия (К.Левин). Далее, это проблема рефлексии как способности человека объективировать в сознании свою жизнь, собственное существование в самом собой созданной среде, жизненных обстоятельствах. Еще глубже, это проблема тех механизмов, которые обеспечивают избирательную работу сознания, саму возможность рефлексии - как условия самоопределения (и самореализации) личности. На этом уровне собственно и возникает проблема ригидности-флексibilityности как того, с чем связана блокада (или разблокирование) сознания, его избирательный характер. Поэтому искомый континуум ("ригидность-флексibilityность") интерпретируется нами как общесистемный конструкт - будучи самым глубоким и основополагающим (по отношению к другим психологическим феноменам), он

оказывается и самой общей характеристикой меры открытости системы, показателем ее самоорганизации, проявлением которой, как мы настаиваем, и является самореализация.

Обозначая связь ригидности с избирательностью сознания, мы тем самым касаемся самого главного вопроса психологии - вопроса о функции сознания. Если согласиться с Л.С.Выготским в том, что психика " есть орган отбора, решето, процеживающее мир, и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. (Выготский 1982, Т.1.), то ригидность оказывается тем, что обеспечивает едва ли не самую главную функцию сознания - его избирательность. Она имеет прямое отношение к ячейкам того решета, с помощью которого человек "процеживает мир", обеспечивая этим саму возможность действовать в нем. В ТПС многомерный мир человека понимается как особая психологическая реальность, системное образование конституирующее собой единство объективного и субъективного, которое, говоря словами Л.С.Выготского, представляет собой "субъективно искаженную (в пользу организма) действительность. Каким же образом ригидность-флексibilität оказывается соотносимой с этой психологической реальностью?

Конструируя психологическую реальность, человек, наделенный личным опытом, проецирует его как один из важнейших компонентов собственной субъективности в объективную реальность. Ригидность на самом деле указывает на соотношение смысла и ценности того, что включает в себя наличная ситуация с имеющимся опытом поведения в аналогичных ситуациях, встречавшихся в прошлом. Без такого допущения необходимым образом возникает разрыв между ценностными и смысловыми координатами многомерного мира человека и тем, как человек осознает ценность и смысл собственных действий в нем.

Автоматически подсоединяющийся к оценке всей актуальной ситуации и ее отдельных составляющих (настоящее системы), опыт поведения (прошлое) не может вывести систему за пределы устоявшихся схем поведения (будущее). Еще сложнее представить опыт, который реализуется в настоящем, будучи вовсе оторванным от актуальных смыслов и ценностей того, что составляет текущие "жизненные обстоятельства". Нужен механизм связи оценки ситуации и действий в ней. Если нет предметов, имеющих личностный смысл, то нельзя ожидать и осмысленных действий с ними - поведение человека только тогда является таковым, когда человек понимает смысл и ценность собственных действий.

Если согласиться с тем, что эмоции отражают смысл и ценность явлений и целостных ситуаций, а это одно из главных положений теории психологических систем (1991), (1999), то придется согласиться и с тем, что отбор схем поведения из опыта должен опосредоваться эмоциями, через которые и осуществляется внутрисистемная связь предметов, имеющих актуальный смысл и ценность, с соответствующим им опытом поведения. Имеются основания для такого утверждения. В частности, в рамках ТПС показано, что, разделение эмоциональной и установочной активности теряет смысл, поскольку та и другая есть только проявление единого механизма, обеспечивающего устойчивость и подвижность, избирательность и направленность деятельности. Этот механизм был выделен в экспериментах, в единый эмоционально-установочный комплекс - "эмус" (В.Е.Ключко, 1972, 1998). Считается, что эмоции при этом выполняют и основную функцию системообразования, удерживая систему от распада. Иными словами, когда сознание отделяет Я от не-Я, эмоции продолжают удерживать их единство. Таким образом, в норме эмоции не искажают действительность, привнося в нее субъективность.

Они нейтрализуют осевшую на предметах субъективность, обеспечивая реалистичность бытия.

Сущность вопроса заключается в том, что, рождаясь практически лишенным родового опыта, что означает еще и свободным от него - ради подлинной свободы в будущем, - человек обретает собственный опыт. В психологии практически упускаются вопросы о том, каким образом актуальная, совершающаяся здесь и сейчас деятельность (поведение) превращается в опыт, уходит в прошлое, способное детерминировать будущее. Ясно, что возможны ситуации, тождественные тем, которые уже встречались. Но эта тождественность весьма условна даже в плане совпадения списка объективных условий, в которых поведение осуществлялось в прошлом и осуществляется сейчас - в актуальном настоящем. Совершенно невысказано полное совпадение психологических ситуаций - в актуальном настоящем действует совершенно другой человек. И не потому другой, что чем-то у него отличаются мотивы, цели и оценки ситуации - прошлой и актуальной. Прежде всего, в любой актуальной ситуации действует человек, обремененный опытом действия, готовый действовать в соответствующих ситуациях. Другое дело, что ситуация должна быть опознана как таковая при том, что она никогда не может полностью соответствовать уже встречавшейся.

Несколько обобщений можно сделать из этих рассуждений. Опыт должен существовать в форме готовности реализовать сложившуюся ранее схему деятельности (поведения), не превращая каждую текущую ситуацию в проблемную, т.е. не превращая жизнедеятельность в постоянное решение новых задач. Однако в опыте фиксируется не просто схема поведения, а целостная психологическая ситуация, включающая кроме цели поведения еще и ценности, смыслы, оценки, планы, конечные и промежуточные цели и т.д., короче, все то, что для краткости можно обозначить понятием "психологическая реальность". И этот факт необходимо признать, поскольку форма поведения (схема) сама не может опознать себя в новых условиях и утвердить себя в виде необходимости действовать здесь и сейчас определенным образом. В новой психологической реальности опознает себя "окаменевшая" психологическая реальность. Вбирающая в себя помимо прочего и ценностно-смысловые составляющие мира человека. Они, в соответствии с ТПС, определяют саму возможность превращения безразмерной и бесконечной, в себе и для себя существующей "объективной реальности" в пространство, в котором "здесь и сейчас" осуществляется движение жизни конкретного человека.

Таким образом, психологическая реальность является тем, что определяет особенности развертывания во времени динамики человеческой жизни, только частью которой является динамика психических процессов, свойств и состояний. В ней хранятся и постоянно порождаются те факторы, которые выступают параметрами, в опоре на которые осуществляется опознавание пригодности схем поведения, хранящихся в личном опыте человека. Без таких параметров возможно только реактивное поведение. Природа биполярного конструкта "ригидность - гибкость" может быть объяснена, как результат проекции "окаменевшей" психологической реальности в актуальную психологическую реальность. Ясно, что такое проецирование имеет свои индивидуальные особенности, которые, как нам кажется, и схватывает понятие "ригидность". Сама же фиксированная форма поведения может быть понята как ошибка в опознавании параметров реальной психологической ситуации, служащих ориентирами включения "окаменевших" поведенческих схем в актуальное, здесь и сейчас разворачивающееся поведение.

В качестве таких ориентиров выступают значения, смыслы и ценности, т.е. именно то, что в соответствии с логикой ТПС, обеспечивает человеку предметность, реальность и действительность его бытия. Это становится понятным, если представить человека как особую пространственно-временную организацию, превращающую "объективную реальность" (мир до человека, без человека) в наполненный цветом и звуками, категоризированный значениями предметный мир, являющийся основанием предметного сознания. Первично поведение человека в предметном мире оказывается зависимым от значений. Предметы (комплексы ощущений, соединенные со значениями - Л. С. Выготский (1983, Т.2), с которыми связаны определенные схемы поведения, могут инициировать, запускать эти схемы ("побудительная сила предметов" известна еще от К.Левина).

Если самопроизвольно (мимовольно) актуализируется оторванная от актуальных потребностей, задающих в каждый момент логику поведения, или даже противоречащая этой логике, возможность действовать с предметом определенным образом (реализовать схему, с ним связанную), то возникает классическая модель "выхода субъекта за пределы требований ситуации". Такая модель может стать объяснением как зарождения актов самореализации (переход возможности в действительность), так и сугубо фиксированного поведения, когда предмет почти рефлекторно вызывает стереотипное действие по отношению к нему (типа персевераций), не обусловленное никакой потребностью. Все зависит от того смысла и ценности, которые стоят как за этими предметами, так и за действиями, направленными на них. Решают мотивы (с ними связаны смыслы) и цели, в которых они конкретизируются.

Наличие ценностно-смысловых измерений превращает предметный мир человека в действительность - расширяющееся, устойчивое (благодаря ценностным координатам) пространство для жизни и развития как условия сохранения жизни и ее осуществления. Ценностные координаты мира человека делают его соизмеримым с другими людьми, с самим собой завтрашним, еще не ставшим, еще только возможным, полагающим открывающуюся для него действительность пространством для развития, т.е. жизни. Несколько неожиданное подтверждение изложенных взглядов было получено в рамках нового направления психологии (правда, имеющего и достаточно устоявшиеся основания) - психологии социального познания. Как замечает Г.М.Андреева, если учитывать тот факт, что человек реально существует в построенном, сконструированном мире, то "нельзя исключить и его эмоциональное освоение, также как игнорировать и другие психические процессы, например, мотивацию" (Андреева Г.М., 1999.). Автор полагает, что из всех элементов этого ряда в социально-познавательной ситуации сегодня наиболее полно исследованы два: роль социальных установок и феномен перцептивной защиты. Через анализ социальных установок в психологии социального познания решаются две важнейшие проблемы, с которыми встретился "чисто" когнитивный подход: включение эмоций в познавательный процесс и связь познания с поведением. Аттитюды направляют поиск социальной информации (гипотеза "селективной экспозиции информации"): субъект демонстрирует избирательный отбор информации в зависимости от совокупности имеющихся у него аттитюдов. Здесь возможны два случая: информация отбирается или при наличии очень сильного, или, напротив, очень слабого аттитюда на объект. Этот феномен был обозначен как биполярный способ подбора "аттитюдно-релевантной" информации: индивид запоминает, фиксирует либо про-, либо контра-аттитюдную информацию, но пропускает нейтральную. Это же относится и к воспроизведению информации в нужный момент. Невозможно переоценить сам факт признания того пишет Г.М.Андреева, что "...именно через установки в социальное познание включается эмоциональный компонент, что зафиксировано также в исследованиях роли настроения

при познании социальных объектов".

В контексте открытости человека в мир, реализующем себя во взаимодействии с ним, стоит более внимательно рассмотреть как проблему фиксированных форм поведения, так и ригидности вообще, которую все-таки нельзя сводить к установкам - она является феноменом более глобальным, проявляющемся тогда, когда установки становятся "слишком устойчивыми и трудно преодолимыми. Предметом теоретического исследования в данном случае становится не замкнутое на себя психическое (субъективное), которое что-то определяет во взаимоотношениях человека с миром, но тот пограничный слой между внутренним и внешним, в котором эти противоположности неразличимы. Из этого слоя, как нам кажется, и вырастают поступки людей, их упорядоченные совокупности - целостное поведение. Сеем думать, что такое понимание не только не противоречит духу теории психологических систем (ТПС) В.Е.Клочко и общей теории ригидности (ОТР) Г.В.Залевского, но и отвечает внутренней логике этих двух теорий и тенденциям их развития.

Информация об авторе: Галажинский Эдуард Владимирович, кандидат психологических наук (1996), тема диссертации "Психическая ригидность как индивидуально-психологический фактор школьной дезадаптации", доцент, Томский Государственный Университет, факультет психологии.